

Редакция альманаха «Арина» с большой радостью поздравляет постоянного автора и друга Валерия СДОБНЯКОВА с 60-летием и желает ему в этот юбилейный год особенно отличиться: новыми книгами, публикациями и заслуженными наградами!

Фото Павла Кривонова

Валерий СДОБНЯКОВ

УТОМЛЕНИЕ ДУШИ. 2015 год.

Из книги «Искры потухающих костров.

Разворачивая свиток времени»

4–9 июня. Москва — Псков — Михайловское — Москва. В Москве перед поездом в Псков успел (вместе с Николаем Офитовым) заехать к Шестинской. Отдал книгу «Блокадные новеллы» и диск с собранием сочинений Олега Николаевича. Теперь «Избранным» будут заниматься в «Художественной литературе».

5.06. В Пскове несколько прохладно, по сравнению с Нижним Новгородом. Делегация на 49-й Пушкинский праздник поэзии приехала не маленькая — двенадцать человек. Из тех, кого знаю — Перминов (Омск), Геннадий Красников и Константин Скворцов (Москва). Пришёл Валентин Яковлевич Курбатов. Он тоже едет с нами в Пушкинские Горы. Сразу спрашиваю у него о книге про Псково-Печерский монастырь.

— Что вы, откуда... Её, правда, переиздали и в Москве она теперь везде продаётся, но у меня её нет. Даже гонорар за переиздание не заплатили.

Но я уверен, что книга у Валентина Яковлевича с собой есть, и в конце концов (совесть будет неспокойна) он мне её подарит.

Проезжаем мимо памятника псковским десантникам — раскрытый парашют — погибшим в Чечне. Так я и не пойму, что же там на высоте произошло, почему не пришла помощь, сколько было нападавших, кто они и куда делись их трупы?

В Пушкинских Горах разместились в гостинице, и сразу в Михайловское. Оказывается, это большой лесной парк с аллеями, прудами, ландшафтными видами. Конечно, многое видел на фотографиях, но «живой» вид превосходит все ожидания.

В Музее (доме Пушкина) экскурсия и открытие выставки одного предмета из собрания Псковского государственного музея-заповедника. Это рукописный список комедии Грибоедова «Горе от ума».

Игорь Смолькин попросил меня выступить. Говорил о духовном соединении русского пространства на примере Серафима Саровского и Александра Сергеевича Пушкина. Первый совершил подвиг (духовного служения) в Сарове, а мощи покоятся в Дивеевском монастыре. Пушкин высшие моменты вдохновения испытал в Болдино, а покоится в Святогорском монастыре.

После обеда в Культурном центре Круглый стол. Тема — «Пушкин и Победа». Ведёт Курбатов. Прошло всё оживлённо и не без споров. Всех задело выступление Сергея Соколкина. Впрочем, мне показалось оно неискренним. Больше эпатажным. Пересказывать его здесь не буду.

В завершении — спектакль Молодёжного театра из Архангельска «Капитанская дочка». Мы все ушли. Спектакля и не было. Актёры читали (наизусть) текст с минимальным движением. Нудно, скучно.

6.06. Вчера перед Круглым столом успели побывать в Тригорском. Как же и там всё замечательно устроено. Парк —

просто уходить не хочется. Отрада для души. Великое дело сделал Гейченко для России. Вернусь домой — обязательно перечитаю его книгу «Пушкиногорье».

Сегодняшний день начал с утренней прогулки по посёлку. Ко мне присоединился псковский поэт Александр Себежинин, так легко располагающий к себе какой-то естественной простотой. Тут же вручил мне пакетик сушёной плотвы (он всех наших рыбой угощает). Когда вернулись в гостиницу, я отдался книгой «В предчувствии апокалипсиса».

После завтрака отправляемся в Свято-Успенский Святогорский монастырь. Под колокольный звон несём корзины цветов к могиле Пушкина. Начинается процессия за монастырскими воротами. Затем уже поднимаемся по сложенным из больших камней ступеням на вершину холма, к храму и оставляем корзины у памятника на могиле поэта.

Литию служит местный владыка. Выступления. Хорошо говорил епископ Каскеленский, викарий Астанайской епархии Геннадий (Гоголев) из Казахстана, член нашей делегации (светское его имя Михаил Борисович Гоголев). Всё у него получилось красиво, мудро, завершённо и экономно по словам. Вчера за ужином читал свои стихи. Тоже талантливо.

Оказывается, могилу Пушкина вскрывали дважды, но не ради любопытства. Склеп требовал ремонта. Второй раз после войны. Всё уже истлело, кроме волос.

Переезжаем на праздничную поляну (это целое поле) в Михайловское. Нас усаживают на сцене под палящим солнцем. Рядом со мной владыка весь в чёрном. Каково ему тут. Наши поэты читают стихи. Это просто. А вот мне... Ведь надо что-то говорить. Молюсь про себя, чтобы Господь вразумил.

В прочитанных стихах много негатива, отчаяния, даже злости. Я заговорил о любви. Потому что в моём восприятии Пушкин — это, в первую очередь, любовь.

После выступления ведущий подошёл и попросил спуститься со сцены. Телеканал «Культура» хочет записать со мной небольшое интервью. Вновь говорил на камеру о празднике и, похоже, попал — девушка искренне благодарила, засветилась улыбкой. Ей ведь тоже нужно сделать свою работу.

Перед отъездом в Псков есть полтора часа свободного времени. Ухожу один бродить по окрестностям. Все основные места обошёл. Теперь имею ясное представление о музейном комплексе. Хотя народу много, шумновато. А какво здесь в тишине, одному...

На обратном пути в автобусе подходит Курбатов и дарит книгу «Батюшки мои».

— Вы, кажется, хотели получить эту книгу? Предполагал отдать этот экземпляр владыке Геннадию, но он уже уехал. Да и не нужна она ему... Многие бы хотели, чтобы этой книги не было.

Я благодарю. Напоминаю, что после «Подорожника» и «Нет мне ответа...» это третий подарок, который дорог моему сердцу, потому что желанен.

Да, Валентин Яковлевич помнит о подаренных им мне книгах.

Вечером в ресторане гостиницы «Рижская» банкет. Доходит очередь говорить мне тост. По привычке разбиваю его на две части. Завершаю стихами Юрия Адрианова «Камин».

7.06. Экскурсия по Пскову. Кремль. Величественный собор (не разорялся). Идёт служба. Пение хора — что-то невероятное, никогда подобного не слышал. Времени у нас в обрез. Но стою у выхода, наслаждаюсь последними мгновениями. Рядом Геннадий Красников.

— Уходить не хочется?

— Да, — соглашаюсь с ним.

Мирожский монастырь. Фрески (подлинные, не обновлённые, все первоначального письма) двенадцатого века

в Спасо-Преображенском соборе. И вновь потрясение. Экскурсовод умна, обстоятельна, глубоко знающая предмет, о котором рассказывает (это случается крайне редко) без всякой фальшивой театральности — слушаем её затаив дыхание. А со стен — лики двенадцатого века. И как это всё вместить в сознании, уложить по полочкам?

После обеда, перед выступлением в филармонии, есть свободное время. Идём в Псковский музей смотреть выставки «Русская икона XV–XVII веков» и «Русское и Западно-европейское художественное серебро XV–XIX веков» (в основном церковное). Тут уж всё бегом, времени совсем мало. Но что такое «Палаты Поганкиных» — в их помещениях расположилась экспозиция — ощутили. Узость лестничных пролётов, крутизна каменных ступеней, толщина деревянных стен — всё передаёт дух времени стародавнего.

В филармонии пьём кофе в большой грим-уборной. Вновь думаю — о чём говорить со сцены. Зал, на удивление, оказался довольно заполненным. Тепло принимали стихи Константина Скворцова и Марины Ахмедовой (особенно).

Я в завершении своего выступления неожиданно сбился на стихах Люкина, которые знаю многие годы, и потому закончил выступление стихами Юрия Адрианова «Камин».

В поезде с нетерпением начал читать книгу Курбатова. Неужели он так подробно (буквально стенографически) вёл дневник бесед с о. Зиномом. Очень много смелого и свободомысленного в словах и высказываниях иконописца.

8.06. В Москве отвёз с Николаем Викторовичем журналы и «В предчувствии апокалипсиса» в Союз писателей России Геннадию Иванову. Геннадий Викторович сразу по экземпляру убрал к себе в портфель. Напомнил о поездке в Архангельск. В списке человек десять.

Внизу, у входа лежат стопки книги В. Н. Ганичева. Твёрдый красный переплёт, золотое тиснение. Публицистика. Издано к юбилею. И пока на ВДНХ дожидался звонка Тани,

многое посмотрел, почитал. Конечно, стиль комсомольского функционера прёт из всех щелей. Мертвечина! А ведь какие мемуары мог бы написать.

Но нашёл и любопытные сведения о литературной жизни. Так что книгу забрал с собой, не оставил на лавочке.

К Тане шли через Ботанический сад, по известной мне дороге. Но впечатление совсем иное — зелёный лес вокруг, цветы. И опять думаю — что есть время. Будто кусок, сгусток какой-то энергии за прошедший срок отрезал от себя, истратил на жизненное удовлетворение.

Вечером в новостях — в возрасте шестидесяти пяти лет умерла Джуна. Ушла к своему сыну, погибшему в автокатастрофе. Страдала от случившегося безмерно, и вот... получила желаемое.

Сразу вспомнил хорошие воспоминания о ней Анатолия Парпары.

9.06. Всё, конец путешествию. Никуда идти не хочется. Проговорили с Николаем до самого поезда, прогулялись по стадиону невдалеке от его дома.

В новостях — огромный пожар на нефтебазе под Киевом. В репортажах подаются как нечто апокалиптическое. Страшная чернота заволокла небо, выпал чёрный дождь.

8–13 июля. Кунавино.

10.07. Работал над материалом к 75-летию Анатолия Анатольевича Парпары. Но такая тоска на сердце, с таким трудом я её преодолеваю!

Тепло, однако то и дело принимается дождь. Я сижу в комнате, стол пододвинул к окну, и то встану из-за него, то опять сяду. Не нахожу себе места, не могу сосредоточиться на работе. Пойду затею греть самовар (а разгорается он у меня с трудом — и тут ладно сделать ничего не умею), но и тут радости никакой. Тяжесть непонятная на сердце. В доме много чего надо сделать по хозяйству, но никак не

могу себя заставить. Да и не сподручно одному. Может, ещё и это тяготит душу. Ведь понимаю — сколько трудов, нервов было во всё это вложено. Теперь всё ветшает, разрушается. Так для чего же были потрачены силы (молодые, которых хватило бы для действительно важных дел), если всё материальное так быстро превращается в тлен, труху. Как поздно приходит осознание таких простых, вроде бы, истин.

В четверг поздно вечером позвонил Александр Васильевич Мюрисеп из своей деревни — бодр, деятелен, полон планов наперёд (и ведь всё выполнит). Я ухватился за его звонок и рад был милой его «болтовне» как никогда. Лишь бы хоть на время заглушить внутреннюю тоску.

С материалом о Парпаре в итоге вроде бы разобрался (не уверен, что это сделать получилось бы в городе — тут надо было от всего отвлечься).

Несколько раз было желание бежать из деревни, но сдерживаю себя, понимая, что бежать некуда. В городе я не так часто и не так остро переживаю эту тоску, томление духа не от того, что она куда-то исчезает, а потому, что там я её глушу в себе суетой, вроде бы какими-то значимыми делами. Но всё это обман. Так что бежать некуда и незачем.

Часто вспоминаю Володю Цветкова. А тут ещё звонок Сергея Шестака и проникновенный разговор о быстротечной жизни. И вот когда думаешь обо всём об этом, то так и хочется закричать: «Тогда зачем всё это — наши жизни, наши муки (когда заслуженные, когда «на пустом месте»)? Зачем всё это? Зачем?»

Только когда топлю печку (а в доме ещё после зимы ощущается влажность), немного успокаиваюсь, прихожу в себя. Нет уж, весь срок добровольной ссылки должен выдержать. Пойду на дальний огород обрезать сухие-сухие ветки разросшихся яблонь. Хоть одно доброе дело сделаю.

Ветки попил. Просторнее под яблонями стало. Ещё бы крапиву посшибать.

После обеда, хоть и дождь прошёл, отправился в лес за грибами. Никогда в нашем лесу не видел, чтобы было так много лисичек. Нашёл и белые, подосиновики — все красавцы, крепкие. А вот подберёзовики перестоявшие, трухлявые. Да их и брать не хочется после знатных грибов.

Одна беда — ноги в резиновых сапожках (а они маловаты, куплены ещё в незапамятные времена в Юрмале) наломал свёрх всякой меры, и комары с прочей летающей нечистью так одолели, что не чаял, как поскорее выбраться из наших чащоб. Но от мыслей горьких пока избавился. И то хорошо, и то ладно...

Вечером просмотрел переписку с Парпарой за последние три года. Тут полный порядок. Сколько-то писем я, конечно, не сберёг, пока не догадался их копировать и хранить в отдельной папке в компьютере, но зато остальные, начиная с декабря 2012 года, хранятся. Естественно, не только от Анатолия Анатольевича, но и мои тоже.

После захода солнца попёр на деревню из низин туман. Видно, конец дождям. Тепло идёт. А уж совсем поздно позвонил Игорь Смолькин, с печальной вестью — умер Геннадий Попов, поэт и руководитель писательской организации Орла. Он за последние годы как-то резко сдал, превратился в немощного старика, с трудом говорящего, шаркающего при ходьбе. Вот как время быстро и жестоко распоряжается нашими жизнями, отбирает силы, трудоспособность, здоровье. Потому нельзя бездумно надеяться на будущее. Надо спешить успеть как можно больше сделать в настоящем.

11.07. Встал поздно. Вчера долго не мог уснуть. И первая забота — что делать с грибами? Начал их мыть, обрабатывать, отваривать. Да всё неумеючи, суетливо — необходимой посуды, соли, ложки сразу найти не могу. Но кое-как с этим делом справился. Варил в кастрюле на печке в большой комнате.

Уж второй год нет мне в деревне радости. Еду сюда по внутреннему принуждению, будто в ссылку. Оттого и результат — никакой. Четыре дня уже загубил без всякой пользы.

В прошлом году окна наверху не открывал. В этом и на веранде не тронул — так и стоят щитами, сколоченными из тяжелейших берёзовых досок, закрытые да всякими жердями да брусьями подпёртые. А я через эти брусья прыгаю, не всегда ловко — бывает, что и садану коленкой или ступнёй.

На закате стоял у крыльца и смотрел, как маленькая птичка кормит из своего клюва птенца. Прыгает на карниз нашего дома, что-то там ловит и сует в клюв дитятке, который размером ничем от неё не отличается.

Мать улетела, птенец перестал щебетать, начал охорашиваться, смешно и быстро-быстро трясги крохотными ножками, затем вытягивал (словно человек потягивается) крылья и встряхивался всем тельцем. Господи, как же всё разумно и продумано в мире. Наверняка не один раз отмечал это в своих записях, но вот не устаю восхищаться правильностью и мудростью созданного, всего того, что нас окружает. А птенец ещё немного попрыгал по веткам черёмухи — и улетел.

Звонок. Не представляясь, звонивший (я в это время листал книгу на крыльце) предлагает узнать его по стихам. Тут же начинает их читать. И я действительно его узнаю. Мы познакомились в Варнавино (имени и фамилии не помню). Таёжного, запущенного, дикого вида человек. Стихи читать начал сразу (и тогда!), без всяких предисловий, открыв большую «конторскую книгу» — были такие раньше для учёта на складах и в бухгалтериях. Теперь таких нет, ими не пользуются — незачем. Вся информация в компьютерах.

Во время сегодняшнего нашего разговора он успел прочитать три стихотворения, пригласил меня в свой дом, чтобы там устраивать поэтические сборища, ну и к себе на Ветлугу, в лес на участок — в середине августа за белыми грибами. Надо бы последним приглашением воспользоваться.

На ночь читал отрывками «Долгие крики» Юрия Казакова, «Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет»

Дмитрия Лихачёва. Заглядывал в «Воздушные фрегаты» Леонида Мартынова и «Избранное 1» Сергея Овчинникова. (И ведь помню, где все эти книги приобрёл: Букинистический, Дальнее Константиново, Москва, привёз Борис Лукин).

Вообще, надо отметить, что у меня здесь собрана неплохая библиотека — от классики до современных писателей, а ещё мемуары, критика, литературоведение, история, большое собрание литературных журналов разных годов. Жаль будет, если в итоге всё это пропадёт вместе с моим архивом, отчасти также хранящемся здесь на втором этаже в маленькой комнате.

Продолжаю думать о рассказах Виктора Астафьева из книги «Жизнь прожить». Как много в них неряшливости в построении сюжета, в расплывчатости его, уходе в сторону (необязательную) от основной линии. Ну и раздражения... Да как же так можно не любить, презирать свой народ, его историю. Думаю, и эта его книга сыграла свою роль в одурманивании «технической интеллигенции» низшего уровня (а по сути неудачников, просиживающих жизненный срок в отделах никому не нужных контор). А душа-то от пустоты жизни маялась, наполняла человека раздражением. Ведь в его неудавшейся жизни кто-то виноват. Не он же сам, не его лень и нерешительность, неспособность тут причина.

Но книжки представители этой «интеллигенции» тогда ещё почитывали (на это была мода) — и тут Астафьев со своими рассказами.

— Так вот почему жизнь не удалась, — вскипела в них неудовлетворённая гордыня. — Это страна у нас такая непутёвая, правители и народ никчёмные. Теперь перестройка нам дала волю. Выберем новых руководителей и заживём как в США.

В итоге получили то, что заслуживают.

А Астафьев дальше пошёл разоблачать, клеймить, терзать русский народ, не находя в нём, в его жизни, истории, вере

ничего светлого и достойного. Ну, и к чему пришёл? К той же душевной опустошённости.

Рассказы из этой книжки, думаю, теперь уже никому не нужны. Остались они в прошлом времени, никто их в нынешний век не возьмёт. Горько!

Вот и подумал я для себя (неожиданно) — а ведь для потомков (думающих, интересующихся) интереснее подобных рассказов письма, дневники, воспоминания писателей могут оказаться. В них искренность, правда, подлинность фактов, личный (а не придуманный для потрафления социального гнева) нерв. Не знаю, насколько я прав, но так мне отчего-то подумалось. Ведь вот Юрий Казаков — замечательный художник. Но в тех же «криках», в очерках — рассуждения о выполнении планов, прочих производственных ситуациях — всё омертвело. Там же, где с читателем говорит художник — и сейчас всё живо, читается не отрываясь. Таков непреложный (и безжалостный) закон литературного труда.

12.07. Вновь проснулся поздно. Хотя поначалу думал, что, напротив, совсем рано, что солнышко ещё не вышло — такой тусклый серый свет пробивался из окна через занавеску.

Отдёрнул её — на улице тускло. Дождь моросит, небо всё беспросветно затянуто. И по всей деревне ни звука (а ведь воскресенье, в соседних домах полно народу), только сорока далеко и противно стрекочет.

И всё-таки подумал: «Хорошо, что эти дни прожил как-то иначе, не по заведённому день ото дня распорядку».

Опять дождь. Сеет настойчиво, нудно. И отчего-то тревога на душе, аж ком в груди давит, необъяснимое беспокойство. Так под шум дождя перебирал свои старые рукописи. Оказывается, в столе лежит целая папка с ними — старые статьи, написанные ещё в Ульяновске, в гостиничном номере и в съёмной квартире (а ведь тогда такая же тоска

и чувство покинутого одиночества томило душу), рассказы «Искушение» и «Утешение» (а уж это вообще был страшный период — безработица, никакого будущего впереди), старательские «Сезон» и «Съёмщик».

Перелистал и всё вернул на прежнее место. Пусть лежат... Как память о прошлом.

А ведь оказывается, и в деле, и без дела — нет душе покоя. Уж в теперешнем ли положении мне горевать? Сижу бараном, бездельничаю, и ещё, видите ли, томлюсь.

Но за окном льёт и льёт. И не кончится этот дождь, как кажется, никогда. И будто не было в яви вчерашнего солнца, тепла. Даже казалось, что теперь уж надолго. Как всё быстротечно и переменчиво... Да уж, нечего сказать, «оригинальная» мысль.

Что ещё делать, как не выписывать чужие мысли.

Надо признать, что эта поездка в деревню была ошибкой. Из записных книжек Д. Лихачёва (Издание 1989 года):

Слова блаженного Августина: «Единственным признаком благородства скоро станет знание литературы!»

Владимир Набоков сказал о себе: «Я мыслю как гений, пишу как средний писатель, а говорю как ребёнок». Но первое самое важное, отблеск мысли несёт в себе любое плохое письмо и любая детски беспомощная речь!»

У Белинского где-то в письмах, помнится, есть такая мысль: Мерзавцы всегда одерживают верх над порядочными людьми, потому, что они обращаются с порядочными людьми как с мерзавцами, а порядочные люди обращаются с мерзавцами как с порядочными людьми.

В.Б. Шкловский сказал как-то: «Пишущий администратор подобен поющему пожарному в театре».

Оказывается: член-корреспондент АН СССР Леонид Тимофеев в молодости сочинил популярную у шпаны песенку: Купите бублики,/Горячи бублики,/Гоните рублики/

Ко мне скорей... И так далее до: А мать гулящая,/Сестра пропащая,/А я курящая —/Смотрите — вот! (Всего в песне четыре куплета).

Литературу захлёстывает журнализм. В литературе у нас очень часто места писателей занимают журналисты. Это нечто прямо противоположное.

Любая организация, чтобы быть прочной, должна быть эластичной, «чуть-чуть колебаться на ветру».

Болгарская поговорка: «Сделай добро и брось его в море». (Оно само всплывёт, не делай его ради выгоды).

В «Дневнике писателя» Достоевский приводит турецкую поговорку: «Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камни во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдёшь до цели». (!!!)

(Я и сам сколько раз думал о том же. Как невыносимо много времени и сил забирают все эти споры, ответные статьи на ложь и клевету, объяснения с недоброжелателями и прочее... Лучше бы этот ресурс написание чего-то стоящего. Во всяком случае — это увеличило бы твою библиографию. А так... Но вся беда в том, если ты на этот «лай» не ответишь предельно жёстко, то подлецы посчитают это твоей слабостью, трусостью и совсем заклюют, затопчут. Так что выходит, нет. Бездарности упорно тащат в своё болото — мерзкое и вонючее, зловонное. — В. С.)

Бисмарк был одно время послом в России и путешествовал по ней. Его спросили — как он путешествовал? Ответил: «Запрягают долго, ездят быстро».

13.07. Вчера поздно вечером приехали Наташа с Лёшей. Сегодня опять дождь, но они отправились за грибами, а я решил подлатать крышу на бане. Намучился, и в расстройстве, ничего не доделав, бросил. И от своего бессилия, хозяйственной никчёмности опять тоска накатила. Да такая, что с облегчением отправился в город со своими.

Все эти дни не знал, что происходит в мире. Посмотрел сегодняшние новости:

Американцы испытали новую мощнейшую ядерную бомбу. Произошло это в то самое время, когда в Уфе три дня подряд проходили саммиты стран СНГ, БРИКС, ШОС.

Грецию в Евросоюзе всё же сломали за обещание нового кредита в 90 млрд евро. Весь их бунт оказался пшиком.

Оказывается, в Закарпатье Правый сектор устроил бой с полицией. Есть убитые и раненые. Сожжённые автомобили. Фашисты набрались силы и теперь показывают, кто в доме хозяин.

4–11 августа. Москва — Архангельск — Лопшеньга — Архангельск — Москва.

В поездке записей не вёл, а теперь даже растерялся — как всё описать. Ведь событий мало, а впечатлений много. Но и они какие-то не яркие, а спокойные, улёгшиеся где-то глубоко в душе.

4.08. Приехал в Москву. Как всегда, привёз с собой журналы и книги. Оставил всё для передачи авторам и в Книжную палату у Офитова. Гуляли с Николаем по новым местам (за большой дорогой, у прудов и Царской пасеки) в Измайловском парке.

5.08. В купе оказались втроём: я, председатель Архангельского землячества в Москве (бывший военный) и Николай Старченко (редактор журнала о природе «Муравейник»).

6.08. Рано утром в Архангельске. Узнаём, что весь график поездки нарушен. Едем на Новодвинский ЦБК. Встречаемся с директором, Императорское общество вручает В.В. Личутину какой-то орден. (Есть что-то комическое в том, что всё происходит в кабинете, рано утром, перед завтраком.)

Завтрак хороший — с водкой и виски (кому хочется). Выезд на территорию завода. Старые корпуса ломаются,

строятся новые. Производство целлюлозы и картона становится экологически чистым. Получаем на память каски и отправляемся в аэропорт.

Летим в Лопшеньгу на «Кукурузнике» — 12 человек (двенадцатый директор колхоза «Заря»). Пролетели Северодвинск, озёра, болота. По курсу с правой стороны — море, с левой — берег (лесистый).

Аэропорт в деревне — небольшой срубленный домик с вышкой, на которую ход идёт через чердак. Там сидит диспетчер, кассир, директор аэропорта — один во всех ипостасях (а ещё интересный поэт, уже принятый в члены Союза писателей) Игорь Иконников. Колоритная фигура, требующая отдельного повествования. Но это, если получится, позже.

Поселились в доме на краю деревни. Помещение интерната для школьников. Удобств никаких, но я к аскетическим условиям в поездках привык, и потому не расстроился (в отличие от наших стариков). Не утерпел и сразу пошёл на берег моря. Можно сказать, что это берег моей мечты. На уровне штормовой волны он завален топляком, выброшенным на берег деревом — досками, кореньями, брёвнами, стволами с корнями. Всё выбелено солью и ветрами. Вдоль берега довольно далеко тянется деревня. И тут живут люди. На мой вопрос:

— Сократилось ли количество домов за последние двадцать лет?

Глава местного управления ответил:

— Нет, всё как и прежде. Хотя молодёжь уезжает. Не видит здесь перспективы. Сельское хозяйство полностью ликвидировано. Осталось только рыболовство.

В комнате мы с Алекс. Иван. Казинцевым. Собеседник он интереснейший. Не сразу, но разговорились. Особенно после того, как он почитал некоторые беседы из подаренной

мною книги «В предчувствии Апокалипсиса». Некоторые места процитировал вслух, и не без удивления произнёс:

— Вы что, ничего не боитесь? Смелый человек... Это беседы первополосные, а не для провинциального журнала.

В первый же день с Николаем Николаевичем Старченко побывали в доме, где жил, приезжая в Лопшеньгу, Юрий Павлович Казаков. Небольшая угловая комнатка в поморском доме с окнами в две стороны — на море и на южную сторону.

Николай Николаевич довольно много рассказывал о приезде Юрия Казакова в Орёл. Старченко тогда служил главным редактором «Орловского комсомольца», далее так и пошёл по комсомольской линии в ЦК ВЛКСМ. Из его рассказов Казаков выглядит человеком неопрятным, запущенным и абсолютно законченным алкоголиком. Николай устраивал для писателя охоту на вальдшнепов. Охота не задалась, а вот питье водки — тут полное выполнение и перевыполнение планов. Только главное ли это в писательской судьбе?

Надо сказать, что до 8-го числа мы были предоставлены самим себе. Я этому был только рад. Красоваться перед кем-то, выступать не люблю. А вот в одиночестве побродить по берегу моря — что может быть лучше? Особенно такого незнакомого, непривычного для меня.

Приливы и отливы, стена непогоды, грозно надвигающаяся со стороны дальнего водного пространства, невероятной плотности густо-синего цвета туман, пугающе наваливающийся на деревню вдоль береговой кромки — словно грозная туча опустилась на землю и поплыла по ней, поглощая людей, дома, покоящиеся на берегу лодки.

Тихо, безжизненно стало вокруг, и только беспокойный крик одиноко пролетающей гагары — позывный из какого-то иного, потустороннего мира.

Вернулся в дом, а когда спустя время выглянул в окно, то увидел, что светит солнце, а тумана и след простыл — будто его и вовсе не было.

7.08. В этот день погода испортилась. На Уазиках «Буханках» поехали в деревню Яреньгу. В ней тоже жила Казак. Дорога (колеи наезженные в песке) идёт вдоль берега, уходим немного подальше от моря, потому что берег становится круче, обрывистее.

Останавливаемся и едим морошку — крупную водянистую ягоду, со странным, надо сказать, вкусом, формой чем-то напоминающую малину, только растущую на кустиках наподобие брусничных. Цвет ягоды — жёлто-оранжевый.

Я еду в машине главы местного самоуправления И. П. Майзерова. Он остановился у моста через какую-то реку, на пригорке, и показал тоню местного колхоза. Рассказал и о своём домишке на берегу. Там добывает рыбу (наверное, браконьерничает) — на год ему хватает килограммов семь сёмги: «Её ведь много не съешь», охотится (бьёт диких гусей). Недалеко от домика в лесу живёт медведь. Но они ладят друг с другом, не нарушают установившегося порядка.

Один раз буря уронила сосну. Рачительный хозяин, чтобы не пропало добро, обработал ствол, распилил и часть отвёз к себе на двор, а часть оставил на потом. Но оказалось, что ствол лежал поперёк тропы, по которой хаживал мишка. И в ярости тот оставил на стволе отметины от своих страшных клыков. После перегородил тропу человека, сломав поперёк неё ствол молодой, но уже высокой сосны. Мол — вот и я тебе отомстил.

И много ещё чего интересного рассказал Игорь Петрович о мишке — как тот раз забрался к нему в домишку и всё там сокрушил, как шагает косолапый не боясь ему навстречу по дороге, как прячется в кустах неподалёку, а собака его облаивает.

Чтобы медведь больше не лазил в дом, хозяин около накрепко закрытого окна ставит ещё и бутылку с керосином. Этот запах не по нраву зверю.

Деревня Яренга — во многом отличается от Лапшиньги. Хотя и расположена она так же на берегу моря, но её разделяет надвое небольшая речка. Это придаёт деревне особый живописный вид.

Мост через речку деревянный, ветхий и для проезда по нему машин непригодный. Дорога перед ним перегорожена лежащими поперёк брусьями. Висит на столбе около этого моста колокол, оставшийся от когда-то порушенной здесь церкви. В бывшем местном ДК одна энтузиастка организовала музей. Туда нас и пригласили.

В двух комнатах собраны старые вещи из поморского обихода. Это хорошо. Иначе всё канет безвозвратно, и невозможно будет представить, как жили, трудились, растили детей предки на этой суровой, но такой красивой земле. А тут и самодельная деревянная кровать, застланная лоскутным одеялом, и жернова, и косы «горбуши», и остроги для лова зубатки. Да много чего.

Библиотека (отдельно стоящий дом) в деревне небольшая. Но, как сказала библиотекарь, посещают её многие.

Завершилось всё в здании нового ДК. В большой комнате с натопленной русской печью пили чай и ели пироги с морошкой и брусникой.

Вернулись в Лопшеньгу. После обеда вдоль моря поехали на тоню колхоза «Заря» есть уху из сёмги. За столом в рыбацком доме мы бы долго сидели, да бригадир поторопил — начинается прилив. Машины вдоль берега не пройдут. Уехали.

8.08. Распогодилось. Прикрепляем табличку на доме, где останавливался Юрий Казаков. Он предпоследний на краю деревни.

Молебен в церкви апостолов Петра и Павла. В ДК концерт и выступление писателей. Самодеятельность, компо-

зиция школьников по произведениям Казакова. Говорят Владимир Смирнов, Владимир Личутин, Юрий Пахомов, Гарий Немченко — эти знали писателя. Увы, много говорят о его пьянстве. Но порассуждали и о литературном наследии. Даже поспорили. В основном всех завёл Личутин, утверждавший, что Бунин (а Казакова называли наследником — творческим — Ивана Алексеевича) не любил русский народ, считал его быдлом.

Редакторы журналов выступали в конце вечера.

Опять туман. Вчера один самолёт с большим риском приземлился. Сегодня не смог. Видимость менее сорока метров. Но к вечеру вдруг опять всё просветлело, засияло солнце.

9.08. Попросили, чтобы самолёт за нами прилетел не в 15:00, а в 13:00. Уж больно ненадёжная погода. И не ошиблись. К часу таких туч натащило, что все не на шутку обеспокоились. Но, слава Богу, всё обошлось.

Утром я ходил вдоль берега, прощался с морем. И вот летим вдоль береговой линии знакомым маршрутом.

Прогулка по Архангельску, торжественный обед с тостами, опять прогулка, теперь уже по набережной Двины. Прохладно, ветрено.

Поезд в Москву. Всё!